

NB! Заключительная часть статьи (20 в) представляет собой лишь развернутый конспект.

А.Миллер

Центр и окраина. Метаморфозы проблемы в 18-21 вв. на примере отношения власти и общественного мнения в России к Украине и Белоруссии.

В российской истории тема центра и окраин имеет огромное число измерений. В этой статье речь пойдет преимущественно об истории идей и образов, связанных с попытками определить границы нации и национальной территории в связи с проблемой восточнославянского населения империи и соседствующих с ней областей. Изучение этого аспекта воображаемой географии позволяет привлечь внимание к тем аспектам концептуализации центра и периферии в истории России, которые до сих пор по большей части не были основательно изучены.

На рубеже 16 и 17 вв. Московское государство стояло перед реальной перспективой превращения в окраину других, на тот момент более мощных, центров силы – Речи Посполитой и Швеции. Польские войска находились в Москве, а боярская элита вела переговоры об избрании представителя польской или шведской династии на московский трон. На выходе из кризиса Смутного времени Московское царство на северном, западном и южном направлении представляло собой центр без окраин. Москва в этот момент контролирует только собственное "сердцевинное пространство", а все окружающие его зоны пограничья¹ контролируются конкурирующими центрами силы – Швецией, Польшей, Турцией и Персией. Становление Российской империи во второй половине 17 и в 18 в. решающим образом связано с изменением баланса сил и переходом оспариваемых окраин под контроль русского центра.

Исход этого "соперничества за окраины" на западном и северном

от позиции населения окраин, прежде всего элитных групп. Еще в 1632-34 гг. в ходе Смоленской войны Москва была слишком слаба, чтобы отвоевать у Речи Посполитой эту последнюю на пути с запада в Москву крепость. Двадцатью годами позже власть Москвы простиралась до Киева, и связано это драматическое изменение было не с резким усилением собственно Московского царства, но с переходом на его сторону повстанцев Хмельницкого.

Элиты пространства пограничья либо находились в оппозиции контролировавшему это пространство центру силы, либо были недовольны ослаблением способности этого центра защищать их интересы. Пример первого рода – казачья старшина, недовольная неравенством своего статуса со статусом шляхты и поднявшая восстание против поляков в 1648 г. Пример второго рода – немецкие бароны Прибалтики, обеспокоенные неспособностью, а порой нежеланием Стокгольма охранять их господство над местным крестьянством.

Первые успехи Московского царства способствовали запуску своеобразной "цепной реакции". Само изменение баланса сил в пользу России заставляло элиты пограничных зон переориентироваться на нее как на центр силы, который мог более полно удовлетворить их интересы. Союзу империи с этими элитами способствовала готовность царей инкорпорировать их в правящий слой империи и защищать старые, а порой и даровать новые сословные привилегии.

Особенность ситуации с аннексией левобережной Украины состояла в том, что уже в середине 17 в. она интерпретировалась многими в Москве и Киеве как акт воссоединения. Эта интерпретация опиралась на давно существовавшее представление о Киевской Руси как об общем историческом начале для всех восточных славян. Таким образом, Гетманат воспринимался двойственно. С одной стороны, было очевидным его окраинное положение и, вплоть до конца 18 в., особый автономный статус. С другой стороны, Гетманат воспринимался как часть общерусской общности, объединяющей всех восточных славян. Уже в 18

в. казачья элита Гетманата в качественно большей мере, чем элиты других окраин, растворилась в русском дворянстве.

В конце 18 в., после разделов Речи Посполитой, ситуация изменилась снова. В Российскую империю оказалась включенной подавляющая часть земель с преобладанием восточно-славянского населения. Сегодня трудно однозначно определить, руководствовалась ли Екатерина II этническими или династическимиⁱⁱ аргументами, когда заявляла, что при разделах "взяла лишь свое".

В то же время, в отличие от Левобережья, на территориях, полученных Россией в результате разделов Речи Посполитой, был мощный слой польской шляхты. Значение этого обстоятельства вполне проявилось после Венского конгресса, когда к империи оказалось присоединенным на основе персональной унии Царство Польское, и особенно после восстания 1830-31 гг.

Учреждение Царства Польского создало тесно связанный с остальной империей альтернативный центр. Разумеется, он был подчинен Петербургу и династии Романовых, но имел Конституцию, собственную армию, и был в состоянии формировать собственную политическую "повестку дня". Приоритетом в ней было стремление включить в Царство хотя бы часть прежних восточных территорий бывшей Речи Посполитой или, как говорили поляки, "кресов", то есть окраин. Речь шла, прежде всего, о Великом Княжестве Литовском. Таким образом, теперь уже в рамках одной империи, оформилась ситуация, в которой польский и русский центры силы вновь концептуализировали лежавшее между ними пространство как оспариваемое пространство пограничья.

Династия Романовых изначально не идентифицировала себя однозначно с той или другой стороной. В стремлении завоевать расположение своих новых польских подданных, Александр I делал не вполне ясные высказывания, которые можно было интерпретировать как обещание присоединить Литовское княжество к Царству. Это вызвало протесты со стороны русского дворянства.

Конфликт приобрел открытую форму после восстания 1830-31 гг. и детроизации Николая I как польского короля. Повстанцы стремились найти поддержку на кресах. После восстания самодержавие перестало рассчитывать на лояльность польской шляхты и стало стремиться к уменьшению культурного и политического влияния шляхты на кресах вообще, и на восточнославянское крестьянское население кресов, в особенности. С этого момента, иногда усиливаясь, иногда ослабевая, идет борьба за "деполонизацию" этих территорий, которые все определеннее трактуются как "русская земля". Эта политика деполонизации выражалась в разные периоды в уничтожении униатской церкви, ограничении влияния католицизма, запрете использования польского языка в школах любого уровня, а также в католической церкви на непольских территориях, конфискации земельной собственности повстанцев, правовом и экономическом давлении на остальную шляхту в стремлении сократить польское землевладение. Постепенно этот конфликт начинает осмысливаться в категориях национализма.

Пришествие национализма в империю Романовых дает ситуации новое измерение, новый род воображаемой географии. Наряду с традиционными стратегической и экономической перспективами, в рамках которых эти территории, особенно Правобережье, оставались окраиной, появляется новое деление пространства Империи. В центре этого нового способа видения пространства стоит представление о национальной территории, об "идеальном Отечестве" русской нации. Это идеальное Отечество по своим границам отнюдь не совпадало с Империей.

Попытаемся выстроить систему возможных идеологических реакций на проблему соотношения государства и нации в царской России, обращая преимущественное внимание не на социально-политические аспекты концепций, но на их отношение к проблеме пространственных и этнических границ нации и к желательному типу государственных отношений, как то империя, унитарная нация-государство, федерация, ряд независимых государств. Эти реакции мы

будем рассматривать как "идеальные типы", то есть логически целостные и последовательные. В жизни, конечно, они чаще выступали в незаконченных или смешанных формах, хотя и для наших "идеальных типов", как правило, можно подобрать реальные примеры.

Во-первых, вполне можно было быть российским империалистом, не будучи при этом русским националистом. Собственно, сами российские императоры долгое время и были таковыми, заботясь о сохранении империи прежде всего как родовой собственности. Во-вторых, можно было быть русским националистом, отрицая империю, считая, что ее сохранение наносит ущерб интересам русской нации, и видя будущее в создании на этом пространстве ряда независимых национальных государств, в том числе русского национального государства. Между этими полюсами помещается целый ряд других возможных позиций.

Стремление к сохранению и даже расширению империи могло сочетаться с национализмом, то есть рассматриваться как соответствующее интересам русских. Идеологическое оформление этого тезиса могло идти по линии "национального эгоизма", но также и через идею "цивилизаторской миссии". Экспансия могла обосновываться и через панславизм, который, в своей "демократической" версии, предполагал растворение империи в более обширном союзе славянских народов. Сохранение империи можно было видеть через ее русификацию и превращение из империи в нацию-государство. При этом одни считали, что это осуществимо в условиях самодержавия, и делали акцент на традиционных формах русификации, то есть обращении в православие, вставая в определенном смысле в оппозицию принципам современного национализма. Другие, в большем соответствии с националистическими принципами, полагали, что путь к цели лежит через демократизацию и ускорение экономического развития, создающие более благоприятные условия для языковой и культурной ассимиляции.

Можно было и проводить различие между русской нацией как ядром империи и "национальными окраинами", отказываясь от стремления их тотально русифицировать. (Логика первого подхода предполагает, например, что школа по всей империи должна быть инструментом русификации и все обучение вести на русском, сторонники же второго видели русский лишь одним из предметов преподавания в нерусских окраинах, не предполагая тотального вытеснения из школы местных языков.)

Признание того, что формирующаяся русская нация не равна империи, но меньше ее, было более реалистичной точкой зрения. В тех случаях, когда она сочеталась со стремлением к сохранению государственного единства, представление о способах достижения этой цели могли различаться. Для одних это равнялось сохранению старого режима. Были люди, которые, напротив, считали национальные конфликты следствием политики самодержавия и верили, что государственное единство всей или, по крайней мере, основной части империи будет автоматически обеспечено при условии ее демократизации и федерализации. Третьи считали, что единство государства можно сохранить, лишь опираясь в той или иной степени на силу, но уже не династии или не столько династии, сколько русской нации как "государствообразующей". Но в любом случае территория русской нации понималась как центр притяжения для нерусских областей. *Вне зависимости от того, как относились к империи те люди, которые признавали, что русская нация ей не равна, они неизбежно вставали перед проблемой определения того, что есть русскость, и границ этой русской нации.*

Границы русской этнической общности понимались в XIX в. по-разному. Трактовка понятия русский как равного понятию великоросс имела место, но не была доминирующей. Русский образ национальной территории или "идеального Отечества" сформировался в остром конфликте с соответствующей польской концепцией. Для поляков "идеальной Родиной", то есть какой она должна быть "по справедливости", была Речь Посполитая в границах 1772 г. Таким образом,

польский образ "идеального Отечества" включал заметную часть территории с преобладанием восточнославянского населения (современная Белоруссия и часть современной Украины), которые русское общественное сознание считало "исконно русскими". Именно это взаимное наложение "идеальных Отеществ" и делало польско-русский конфликт непримиримым, а концепция большой русской нации, объединяющей Великую, Малую, Белую и Червонную Русь и уходящей корнями в Русь Киевскую, была главным идеологическим основанием для русской позиции в этом конфликте.ⁱⁱⁱ

Территория современной Украины превратилась в XIX в. в объект настоящей терминологической войны. Поляки называли земли, занятые Российской империей в результате разделов Речи Посполитой *kresy wschodnie* (восточные окраины Речи Посполитой). В России об этой территории говорили как о *Западном крае*. При этом различались *Юго-Западный край*, включавший Подольскую, Волынскую и Киевскую губернии, и собственно Западный с Виленской, Ковенской, Могилевской, Минской и Витебской губерниями. Земли на левом берегу Днепра называли *Малороссией*, а Причерноморье *Новороссией*. В целом территория современной Украины часто называлась *Южной Русью*. Особое название существовало при этом для Восточной Галиции – *Червонная Русь*.

Такая же ситуация была и с терминами, использовавшимися для обозначения православного и униатского населения современной Украины. Поляки называли их *gusini*, непременно с одним "с", в то время как для великороссов использовалось слово *moskali*. До середины XIX в. среди поляков преобладала точка зрения, отрицавшая этническую инаковость русинов и объявлявшая их такой же частью польского народа, как, например, мазуры. Постепенно все больше поляков начинает поддерживать украинскую идею, как подрывающую целостность главного противника польского национального движения – Российской империи. В этом духе будущая Речь Посполитая представляется уже не как государство "двух народов" (Польши и Литвы), но

государство трех народов (Польши, Литвы и Руси-Украины). Таким образом, более слабый центр силы начинает способствовать формированию особой, независимой идентичности в пространстве оспариваемого пограничья, видя в этом способ борьбы с более мощным соперником.

В Москве и Петербурге предков современных украинцев называли *малороссами* или *малороссиянами*, иногда *русскими* или *русинами*, непременно с двумя "с", чтобы подчеркнуть их единство со всеми русскими, то есть великороссами и белорусами. (Последние тоже писались тогда с двумя "с".) Понятие *русский* оказывалось, таким образом, более широким, чем его современное значение. Оно относилось ко всем восточным славянам и обозначало ту цель проекта национального строительства, которую мы будем условно называть "большой русской нацией". Будучи этнической концепцией, и проводя четкую грань между русскими и другими народами империи, этот проект, в то же время, отрицал качественный характер этнических различий между велико-, мало-, и белорусами, включая всех их в единую этническую общность.

Малороссы и белорусы никогда не дискриминировались в Российской империи на индивидуальном уровне. "Украинцам и белорусам, официально считавшимся русскими, в принципе была открыта любая карьера – при условии, что они владели русским языком. Не было препятствий и у детей от смешанных браков русских и украинцев. (Такие браки, собственно, и не считались смешанными – А. М.) Украинцы не вычленялись и не ущемлялись ни по конфессиональным, ни по расовым соображениям", – пишет Андреас Каппелер. В иерархии различных этносов империи, которую он представляет в виде системы концентрических кругов, все православные славяне включались в единый центр системы.^{iv}

Это отношение к малороссам как части русского народа сохранялось как официальная позиция властей и как убеждение большинства образованных русских в течение всего XIX в. Даже в начале XX в., когда усиление

шовинистических, ксенофобных мотивов в русском национализме выразилось в трактовке русскости как сугубо этнической категории, а не как определенного культурного стандарта, только малороссов и белорусов никогда не описывали как "инородцев".^v

Приверженность последней точке зрения вовсе не обязательно предполагала совершенное отрицание различий между малороссом и великороссом. В написанном в 1898 г. рассказе "Казацким ходом" И. А. Бунин, например, пишет: "Хохлы мне очень понравились с первого взгляда. Я сразу заметил резкую разницу, которая существует между мужиком-великороссом и хохлом. Наши мужики – народ по большей части изможденный, в дырявых зипунах, в лаптях и онучах, с исхудалыми лицами и лохматыми головами. А хохлы производят отрадное впечатление: рослые, здоровые и крепкие, смотрят спокойно и ласково, одеты в чистую, новую одежду." Но это противопоставление "наших" "хохлам" Бунин делает как великоросс, и в том же рассказе говорит о Шевченко, "который воплотил в песнях всю красоту своей родины", что тот "навсегда останется украшением русской литературы". Уже в 1919 г. "несметные украинские побоища и зверства (времен Б. Хмельницкого – А. М.), кровавый хам Разин" стоят у Бунина через запятую, в одном ряду примеров "русского бунта, бессмысленного и беспощадного".^{vi} В творчестве Бунина, как и многих других писателей того времени, можно найти бесчисленное количество примеров такого рода, когда идея русской общности, объединяющей всех восточных славян, даже не постулируется специально, но без труда выявляется в высказываниях по другим поводам. Этим, собственно, подобные высказывания и ценны, поскольку показывают, что представление об "общерусской" общности было для их авторов естественным, не требующим объяснений и доказательств.

Культурная и историческая специфика Малороссии, равно как особый региональный патриотизм малороссов или белорусов, были вполне приемлемы в глазах сторонников концепции большой русской нации до тех пор, пока не

входили с этой концепцией в противоречие. Более того, в первой половине XIX в. малорусская специфика вызывала живой интерес в Петербурге и Москве как более красочный, романтический вариант русскости.^{vii} Упомянутый рассказ Бунина может служить примером, что у многих такое отношение сохранилось и позднее.

Литературные опыты на "малорусском наречии", отражавшие специфику местной жизни, вызывали благожелательный интерес в Петербурге и Москве как часть русской литературы, но попытки трактовать это "малорусское наречие" как отдельный от русского, самостоятельный украинский язык была для сторонников концепции большой русской нации неприемлема. Украинский национализм отрицал малорусскую идентичность, которая могла мирно уживаться с общерусской, и создавал свой образ идеального Отечества, стоявший в конфликте и с польским, и с русским. Украинская идея "отбирала" у русской не просто часть национальной территории, но "Киев – мать городов русских", место обретения православной веры и государственности, а также лишала идеологической основы в конфликте с польским движением. Не случайно наиболее влиятельный русский националистический журналист М. Н. Катков рисовал украинофилов вольными или невольными агентами "польской интриги".

Вызов со стороны других национализмов воспринимался правительством и русским общественным мнением как вызов "извне", в то время как угроза украинского национализма для сторонников общерусской нации была диверсией изнутри "национального тела". Вплоть до царствования Александра III, ознаменовавшегося заведомо обреченной на неудачу попыткой проведения русификаторской ассимиляторской политики в масштабе всей империи, русификация на окраинах носила ограниченный характер. Это могла быть, если воспользоваться определением Э. Тадена, административная русификация в духе политики Иосифа II в Австрийской империи, направленная на обеспечение более благоприятных условий функционирования централизованного

правительственного аппарата. В определенных условиях русификация могла носить характер репрессивной меры, своеобразного наказания за нелояльность, как это было в Царстве Польском после восстаний 1830-1831 и 1863-1864 гг. Но в обоих случаях задача тотальной языковой ассимиляции местного населения не ставилась. В результате репрессии против польской культуры в Царстве Польском, то есть на территориях с преобладанием этнически польского населения, могли быть предметом торга, в отличие от таких же и более жестких мер в Юго-Западном и части Западного края, то есть на "исконно русских землях", потому что здесь они были средством "обрусения", понимавшегося как восстановление подлинного характера этих земель, искаженного полонизацией. Репрессии же против украинского движения воспринимались как борьба с попытками разложения самого национального организма.

Отношение властей империи и великороссов к малороссам и белорусам предполагало, таким образом, интеграцию, основанную на принципе равенства индивидов с одновременным отказом в институциализации этих групп как национальных меньшинств, в то время как по отношению к неславянам, а также к западным славянам (полякам) принцип индивидуального равенства отрицался, но их статус национального меньшинства не ставился под вопрос.

В тот момент, когда малоросс принимал украинскую, исключаящую общерусскую, идентичность, он, в отличие от представителей других этнических групп, становился в глазах сторонников концепции большой русской нации отступником. В рамках этой концепции верна была формула "одним украинцем больше значит одним русским меньше". "Возмутительный и нелепый софизм [...] будто возможны две русские народности (намек на известную статью Костомарова "Две русские народности", где он говорил о малороссах и великороссах как о двух русских народностях – А.М.) и два русских языка, как будто возможны две французские народности и два французских языка!" – четко определял существо своих опасений по поводу украинофильства главный гонитель Костомарова Катков.^{viii} Таким образом, восприятие украинского и

белорусского, в той мере, в какой последнее проявляло себя, национальных движений в корне отличалось от восприятия других национальных движений в империи. Борьба с другими национальными движениями была борьбой за сохранение целостности империи. Борьба же с украинским движением непосредственно касалась еще и вопроса о целостности русского народа (для тех, кто верил, что триединая русская нация уже существует) или о том, какие территории и какое население составят то ядро империи, которое предстояло консолидировать в русскую нацию (для тех, кто отдавал себе отчет в том, что большая русская нация представляет собой только проект). Поэтому политика Петербурга в Малороссии и Белоруссии должна сравниваться именно с политикой Парижа в континентальной Франции и политикой Лондона на Британских островах, а не с политикой, например, Лондона в Индии, как это ошибочно делает в своей книге "Воображенные сообщества" Б. Андерсон.

Еще раз оговоримся при этом, что проект большой русской нации большинством его адептов интерпретировался как нечто среднее между французской и британской моделями – то есть стратегией полного подавления региональной идентичности и стратегией удержания особой региональной идентичности в рамках определенной иерархии лояльностей в качестве именно региональной, не входящей в конфликт с общенациональной. Сторонников предоставления Украине автономии было немного, но также немного было и тех, кто считал необходимым полное подавление особой малороссийской региональной идентичности и малороссийской культурной специфики.

В целом политика Петербурга как более мощного центра силы в отношении восточнославянских окраин заключалась в стремлении минимизировать внешние влияния и уменьшить удельный вес и роль "иностраных" элементов, мешавших процессу культурно-языковой гомогенизации того пространства, которое определялось как национальная территория.

В 1840-60-е гг. на всем пространстве оспариваемых окраин постепенно начинают формироваться локальные проекты национального строительства. В Прибалтике эстонский, латышский и литовский проекты получали как со стороны русского общественного мнения, так и со стороны властей империи определенную поддержку, потому что считалось, что они в большей мере подрывают позиции конкурентов – то есть поляков и немцев.

Украинский и значительно менее сильный белорусский проекты строительства отдельных наций были встречены крайне негативно. Стремление к консолидации восточнославянских окраин империи с великорусским центром в единую общерусскую нацию остается доминирующим направлением русской националистической мысли вплоть до революций 1917 г. Важной проблемой борьбы Московско-Петербургского центра за национальную консолидацию восточных славян империи было сохранение собственной цивилизационной привлекательности, то есть утверждение образа России как успешно преодолевающей отставание от более развитых стран. Только в таком качестве Петербург и Москва могли остаться центрами консолидации в условиях капиталистической интернационализации ли, как бы мы сказали сегодня, глобализации.

Другой довольно распространенный в первые десятилетия 20 в. подход предусматривал автономию Украины. Разногласия по этому вопросу часто оказывались ключевым фактором деления политического спектра в центре (кадеты-октябристы) и на левом фланге, в среде социал-демократов. Внутри кадетской партии украинский вопрос стал предметом конфликта между сторонником концепции "общеимперской российской нации" П. Б. Струве и большинством партии, выступавшим за ту или иную форму автономии. Нужно подчеркнуть, что никто из русских политиков, принимавших идею автономии для Украины, никогда не пытался сколько-нибудь ясно определить свою позицию в главном вопросе территориальных и правовых границ этой возможной автономии. Когда в 1917 г. Временное правительство в переговорах с

Центральной Радой столкнулось с этими проблемами, оно оказалось совершенно не готовым предложить пути их решения. Таким образом, даже та часть русских политиков, которая в принципе признавала автономию Украины и Белоруссии, не была готова перейти в этом вопросе с декларативного уровня на практический.

В ходе первой мировой войны концепция большой русской нации продолжает доминировать. Оккупации Галиции в 1915 г. и – на короткое время – в 1916 г. происходят под лозунгом освобождения "русского народа и русской земли". Политика оккупационных властей была крайне противоречивой, но во всех случаях мотивация ее основывалась на трактовке местного восточнославянского населения как русского.

В период первой мировой войны в соперничество за украинско-белорусское пограничье вступают Австро-Венгрия и Германия. Собственно, противостояние Австро-Венгрии и России в Галиции к тому времени уже имело длительную историю. Вена при содействии поляков и Ватикана боролась с русофильскими симпатиями той части униатского духовенства и интеллигенции галицких русинов, которая трактовала восточнославянское население Галиции либо как просто русских, либо как малороссов. Эта борьба приобрела открыто репрессивный характер после львовского процесса против русофилов в 1882 г. В то же время Вена создавала благоприятные условия для деятельности в Галиции украинского движения, которое рассматривало провинцию как "украинский Пьемонт".

Таким образом, украинский вопрос становится полем взаимодействия большого числа акторов – Петербург, Вена, Ватикан, поляки, украинское национальное движение, прорусски ориентированные силы среди русинов. Региональное измерение этого взаимодействия, роль государственной границы имели очень большое значение. Процессы 19 и начала 20 вв. во многом предопределили региональную специфику современной Украины, которую

можно при желании описать как убывающую с востока на запад степень политического и социокультурного сращивания с русским центром.

Во время первой мировой войны это соперничество приобрело предельно острые формы. Пропаганда великих держав была направлена либо на поддержку русофильских настроений, либо, в противовес, на поддержку украинской ориентации. Обе воюющие стороны прибегают к массовым арестам, депортациям и даже казням сторонников "неправильной" ориентации. Немецкое командование выделяет украинских пленных в отдельные, лучше снабжаемые лагеря, где они подвергаются идеологической обработке. Интернационализация проблемы, которая может быть описана как борьба за или против осуществления общерусского проекта строительства нации, качественно возрастает.

С точки зрения истории идей особенный интерес представляют материалы Особого политического отдела (ОПО) МИД Российской империи, который был организован в 1916 г., работал при Временном правительстве, а свои последние меморандумы готовил в 1919 г. уже для большевиков. Украинский и белорусский вопросы оказались в центре внимания ОПО. Подготовленные им документы отражают бурные изменения, происходившие в стране. Риторика православия и династической лояльности сменяется риторикой демократии и прав народов на самоопределение, а затем, при большевиках, и риторикой прав трудящихся. Романовы из лидеров русского объединения становятся виновниками разделения русского народа государственными границами. Стержневой идеей всех документов остается концепция общерусской нации. Последние меморандумы, написанные для большевиков либо накануне, либо уже в ходе советско-польской войны 1920 г., можно считать своего рода "завещанием" этой концепции. В них чиновники ОПО настаивают, что этничность должна стать главным фактором при проведении границ с Польшей, и настаивают на включении всех восточнославянских земель в Советскую Россию.

Нужно, однако, отметить, что в обстановке обостренного международного соперничества и утраты военного контроля над большей частью западных территорий сменявшие друг друга российские власти начинают постепенно идти на уступки украинскому движению. Уже в 1916 г. впервые в высказывании Николая II звучит сам термин украинцы. Временное правительство делает ставку на переговоры с украинским движением. Концепция общерусской нации начинает постепенно трансформироваться в концепцию триединой нации, являющейся "совместной собственностью" русских, украинцев и белорусов.

Польско-советская война 1920 г. стала новым актом длительной истории борьбы за пограничье. Ю.Пилсудский заключает союз с С.Петлюрой, который должен был, по его (не оправдавшимся) расчетам, привлечь украинцев на польскую сторону. В свою очередь лидеры Западно-украинской народной республики готовы были договариваться с Россией, поскольку главную опасность видели в Польше и ее претензиях на всю Галицию.

В межвоенный период и Варшава, и Москва ведут подрывную деятельность друг против друга среди подвластных противнику украинцев. Политика Сталина на Украине длительное время преследовала цель реализации пьемонтского принципа, то есть привлечения "польских" украинцев на сторону СССР за счет предоставления им широких прав в Украинской ССР. В этот период идея общерусского национального пространства окончательно уступает место идее "общей семьи". Происходит территориализация этничности, Украина и Белоруссия получают в составе Советского Союза границы и квази-государственность. Присоединение к СССР новых территорий с восточнославянским населением в ходе и сразу после второй мировой войны концептуализируется уже как воссоединение украинских и белорусских земель.

В то же время статус УССР и БССР отличался от статуса других союзных республик. Не будучи уже частью национального русского пространства, они оставались частью ядра СССР в целом. В том числе и в

качестве основных поставщиков, наряду с Россией, номенклатурных кадров для управления другими окраинами. Именно сквозь призму исторической перспективы и устойчивости определенных концепций воображаемой географии центра и периферии можно понять, почему в ходе распада СССР весь спектр российских политиков и идеологов – от Горбачева до Солженицына – настаивал на сохранении восточнославянского ядра империи, будучи готов "отпустить" или даже "прогнать" другие республики.

Новая конфигурация старой проблемы складывается после распада СССР. Украина и Беларусь становятся оспариваемым пограничьем прежде всего в геополитическом смысле. С момента распада СССР и до сегодняшнего дня именно Украина и Белоруссия являются ареной наиболее активной борьбы влияний Москвы как регионального и Вашингтона как глобального центра силы. Особые отношения Вашингтона и Варшавы в этот период во многом были основаны на совпадении взглядов на политику в Восточной Европе. В продолжение своей традиционной восточной политики Польша пыталась (без особого успеха) сыграть роль альтернативного по отношению к Москве центра притяжения для Украины, Белоруссии и Литвы. Попытки Украины стать, и попытки США Украину сделать альтернативным по отношению к России самостоятельным центром консолидации на пост-советском пространстве также не дали ощутимых результатов. ГУУАМ остается до сих пор вполне виртуальной инициативой, и нет никаких оснований полагать, что это объединение может наполниться реальным содержанием. Очевидно, что ни Варшава, ни Киев не обладали потенциалом для того, чтобы стать самостоятельными центрами политической консолидации.

В русском общественном сознании одним из ключевых, глубинных факторов оставалась именно воображаемая география. Теперь она проявлялась в вопросе о том, где будет проведена новая граница Европы на востоке. Однозначно неприемлемым для русского сознания был вариант такой границы по восточной границе Украины и Белоруссии (что представляло собой несколько

скорректированный вариант С. Хантингтона^{ix}), то есть, в определенном смысле, возвращение к статусу "центра без окраин".

Долгое время в России единственной альтернативой этому варианту представлялась борьба за Украину и Белоруссию по правилам игры с нулевой суммой, когда выигрыш одного из игроков равен проигрышу другого. Нет сомнения, что на Западе, прежде всего в США, ситуация трактовалась так же.^x

После 11 сентября впервые стал казаться реальным другой вариант, при котором Москве давалась возможность отказаться от статуса альтернативного, а по сути "исключенного" центра силы и постепенно стать частью большой системы Запада. Оказалось, что для российской политической элиты, по крайней мере для той ее части, которая и принимает внешнеполитические решения, эта перспектива действительно представляется привлекательной. Это, в свою очередь, открыло выход из логики игры с нулевой суммой.

Первые десятилетия 20 века принесли важную смену парадигмы русских представлений, когда украинские и белорусские земли были исключены из русского национального проекта, оставшись частью большой восточно-славянской общности, своего рода "неотрывной окраиной" русского центра. Весьма возможно, что первые десятилетия 21 века принесут новую смену парадигмы, когда ключевым станет вопрос о путях включения всего восточно-славянского пространства в большую систему Запада. Для Украины и Белоруссии это будет означать постепенное освобождение от роли оспариваемой окраины, которая была им свойственна в течение многих веков, а для России освобождение от роли "исключенного центра", "конституирующего Иного", определенного ей западноевропейской, а затем и русской политической мыслью.^{xi}

ⁱ Окраинами применительно к этому периоду можно считать те территории, где большинство населения в этническом отношении было не польским и не шведским. Важной особенностью большинства этих регионов было также наличие элитных или претендовавших на элитный статус групп, чья лояльность имперским центрам была условной – казачьей старшины, крупных немецких землевладельцев в Прибалтике.

ⁱⁱ Рассматривая себя как наследницу Рюриковичей, Екатерина II могла считать, что она вправе претендовать на территорию бывшей Киевской Руси по династическим основаниям.

ⁱⁱⁱ О роли "польского фактора" в русско-украинских отношениях см. Andreas Kappeler. *Russland als Vielvolkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall*. Munchen, C.H. Beck, 1992, S.179.

^{iv} Андреас Каппелер. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи. // Миллер А.И. (ред.) *Россия-Украина: история взаимоотношений*. М., 1997, С.134-135.

^v См.: John W. Slocum. Who and When, Were the *Inorodtsy*? The Evolution of the Category of "Aliens" in Imperial Russia. // *The Russian Review*, April 1998, P.173-190. Понятие "инородцы" первоначально имело узкое юридическое значение и применялось к кочевым народам Российской империи. Распространение его на всех "нерусских" в ксенофобной версии русского национализма в конце XIX – начале XX в. сопровождалось отказом в "русскости" ассимилированным в русскую культуру людям иного этнического происхождения – немцам, евреям, полякам и т.д.

^{vi} И. Бунин. Из "Великого дурмана" // И. А. Бунин. *Окаянные дни. Воспоминания*. Статьи. М., 1990, С.341.

^{vii} См.: Paul Bushkovich. *The Ukraine in Russian Culture 1790-1860: The Evidence of the Journals* // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas* 39 (1991).

^{viii} Катков М.Н. 1863 год. *Собрание статей, по польскому вопросу, помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной Летописи*. Выпуск 1. М., 1887. С.276.

^{ix} Samuel P. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, London and New York, 1998, p.158.

^x См. подробнее мои статьи: *Osteuropa neu denken. Russland, seine westlichen Nachbarn und die Grenzen Europas*. // *Transit*, 21, 2001, p.76-90; *Восточная Европа - вообразить заново*. // *Неприкосновенный Запас*. 4 (18), 2001, с. 82-87.

^{xi} См.: Larry Wolff, *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*, Stanford 1994; Iver Neumann. *Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation*. Minneapolis, 1999. Также см.: А. Миллер. *Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России*. НЛО, 2001, 6 (52) с.75-96